

БУДУЩЕЕ ИНТЕГРАЦИИ И СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА. ПОПЫТКА ПРОГНОЗА

Анотація. У цій статті визначається майбутнє європейської інтеграції, вплив договорів Європейського Союзу на цей процес. ЄС після найбільшого свого розширення повинен пройти найважчий у історії процес повернення рівноваги. Розлади в системі пов'язані зі збільшенням кількості країн-членів ЄС, важкою економічною ситуацією, кризою бюджету, складною міжнародною ситуацією.

Ключові слова: європейська інтеграція, Європейський Союз

Аннотация. В данной статье определяется будущее европейской интеграции, влияние договоров Европейского Союза на этот процесс. ЕС после самого большого своего расширения должен пройти самый тяжелый в его истории процесс возвращения равновесия. Расстройства в системе связаны с увеличением количества стран-членов ЕС, тяжелой экономической ситуацией, кризисом бюджета, сложной международной ситуацией.

Ключевые слова: европейская интеграция, Европейский Союз

Summary. Future integration of the European Union. Trying to forecast. This article defines the future of European integration, the impact of European Union treaties in the process. The EU after its biggest expansion should take the heaviest in its history, the return of balance. Disorder in the system associated with an increase in the number of EU member states, the difficult economic situation, the crisis in the budget, the complex international situation.

Key words: European integration, European Union

В этой статье европейская интеграция определяется как понятие статистическое (интеграция как определённое состояние или результат изменённых самих по себе состояний) и динамическое (интеграция как определённый процесс) [1;56]. Согласно существующих учредительных и ревизионных договоров ЕС, европейская интеграция определяется как новая форма политической организации обществ, народов (gr. demos, łac. populus) или народов в качестве союза («an ever closer union among the peoples [2] of Europe») [3].

Европейская интеграция анализируется с точки зрения изменений, начатых в Едином европейском акте (СЭО) и в Маастрихтском договоре, продолженных в договорах, принятых в Амстердаме и Ницце, а подытоженных и уточнённых в процессе работ Европейской Конвенции и международной конференции ЕС 2003/2004. В качестве договора, учреждающего Конституцию для Европы, интеграция внесла свой значимый вклад в формирование системы ЕС и его окружения. Это было очень важным, с точки зрения внутренней среды системы интеграции, и тем самым, целого ряда подсистем (например, трёх так называемых опор ЕС), которые взаимодействуют с ним и создают специфический порядок интегрирования.

Сначала реализации процесса европейской интеграции мы имели дело с неуравновешенным асимметричным чередованием её экономического и политического измерения. В результате принятия Единого европейского акта и Маастрихтского договора, а потом Амстердамского и Ниццкого договоров, два измерения интеграции вошли в фазу равновесия и взаимного дополнения [4]. Уходящее время, как и опыт, и успехи в интеграции её главных авторов (стран-членов ЕС и институций ЕС) привели к тому, что вполне реальной оказалась неофункционалистская мысль, которая опиралась на предубеждении, что реализация видения политической интеграции, является природным результатом экономической интеграции [5]. Постоянно актуальным остается заявление, что двигателем европейской конструкции не может быть только экономика и валюта, а новый, чисто политический импульс. Для этого, целью европейской конструкции остаётся и далее политический союз [6;39], важный для реализации правил Внутреннего рынка и Экономического и Валютного Союза ЕС. Вопросы о форме, а тем самым механизмах и инструментах политического союза, выходят далеко за рамки изменений, которые происходят как во второй, так и в третьей опоре Европейского Союза, и объясняются как

своеобразные «угольные камни» политического измерения европейской интеграции.

Вне сомнений реализация далеко идущих планов, которые опираются на объединении политической и экономической интеграции, не будет возможна без признания и принятия нового способа «понимания мира», в котором доминируют «негосударственные» актёры, народный эгоизм минимизирован, а суверенность набирает наднационального значения. Поэтому интенсивность изменений в интеграционной системе и её несогласованность с традиционными теориями о интеграции, на которых свой отпечаток поставил функционализм, неофункционализм (не исключая федерализма) показала, что в объяснении процесса европейской интеграции обязательным есть использование парадигм. Эти парадигмы выходят за рамки теорий интеграции, но признаны наукой о международных отношениях, посылаясь, между прочим, на транснациональность политологического значения международных взаимозависимостей и суверенности.

Для понимания европейской интеграции в современной её форме, необходимым стал постулат фундаментальных изменений исследовательской и теоретической перспективы на отходе от восприятия международной реальности через призму центрального расположения стран-членов ЕС и связей, которые получились между ними [7; 160]. Отход от центрально-государственного анализа истории событий привело к признанию основ транспозиции страны (компетенционного перемещения) в системе, созданной Европейскими Сообществами и Европейским Союзом. Заметным есть то, что выразительно как во второй, так и в третьей опоре ЕС, но также и в сфере реализации политик ЕС, в которых «насыщенность» взаимодействием со стороны стран есть очень разнообразным – от минимального до максимального уровня.

В системе Европейских Сообществ и Европейского Союза не доходит только до внутригосударственного распределения, но также и до его трансформации. Интеграционная система принимает в свой строй всё больше элементов политической системы страны, благодаря своему влиянию, стаёт она также катализатором изменений и преобразований. Это привело к значимым изменениям в понимании роли государства. Под влиянием европейской интеграции изменялся, и далее будет изменяться, сфера власти в государстве и участие в её исполнении. Разнообразные процедуры, механизмы и регуляции, начиная от получения членства, через управление компетенциями, заканчивая на гражданстве ЕС, изменялось государственное право (в том числе и Конституция), функционирование всех органов страны-члена ЕС и отношения между ними.

Европейский Союз, сформирован под влиянием представленных выше факторов, набирает форму международной системы, а конкретнее, функциональной системы целенаправленных связей и

взаимодействий между элементами [8;7]. Эти элементы, в зависимости от выбранного критерия и влияния определённой независимой переменной, имеют характер: региональный, экономическо-политический, многополярный, мультилатеральный, транснациональный [9;49], полицентрический [10] и полиархаичный, плюралистический и кооперационный, демократический, сложный, управляемый и самообеспечивающийся, с ограниченной открытостью. Эта система символизирует высокий уровень насыщения зависимостями, автономностью поведения участников, а также способностью к контролю окружения. Она оборудована механизмами саморегулирования, самоконтроля и выполнения, поставленных самой себе правил и норм. Эта система сама стремится к минимизации независимости своих участников, прежде всего государств и институций. Опирается на общих целях и иерархии предпочтений. Реальные политические и экономические действия ЕС и нормативы составляют целостность, связанную генетически и функционально.

Европейский Союз не может определяться односторонне, а с точки зрения многосферной и многогосударственной системы. Необходимым есть послание на категорию политической системы. Основой для такого подхода есть принцип, что ЕС в большем масштабе, чем какая-либо другая международная структура, вышел бы за рамки горизонтального междугосударственного сотрудничества. Дошло также до формирования политики в вертикальной измерении, в рамках пространственной структуры, в которой страны-члены ЕС являются только одним из уровней формирующейся системы [11;133]. Процесс построения того нового политического пространства, или также, сплочённой политической территории власти и компетенций, характеризуется добровольным формированием и развитием общего политического поиска принятия решений и сплочением стран и обществ (согласно девизу «Мы являемся Европейским Союзом!»). Он опирается на общие нормы и механизмы, но также и ценности и лояльность стран и их граждан в отношении ЕС и её институций. Степень сложности этого процесса имеет решающее влияние на получение и подтверждение демократической легитимации системы порядка ЕС.

О структуральном дуализме ЕС, определяющимся с точки зрения международной системы и политической системы, показывала новая динамика и архитектура, новый стиль сотрудничества. В результате этого страны-члены ЕС начали сближаться с независимыми институциями, в том числе и многонациональными (особенно с институциональной «триадой»: Комиссией, Судом и Европейским Парламентом), которые контролируют исполнение обещаний, постановлений и деклараций. Институции, которые формируют структуру интеграционной власти, сопровождали механизмы и инструменты, которые направляли бы на правильные действия, устранение помех и

проведение постоянного корректирования принятых решений. Они характеризуются:

- демократической легитимацией, которая расширяется (особенно через Европейский Парламент и метод конвента, в который они вовлечены);
- более сложными законодательными, исполнительными и контрольными (вместе с судовыми) компетенциями;
- объединительным способом работы.

В результате изменений, многонациональные институции получили полномочия в масштабе и интенсивности приближенные к органам государственной власти стран-членов ЕС. В результате, значительно возросла их роль в системе управления европейской интеграцией и их влияния на страны ЕС.

Европейский Союз и дальше имеет цели и проблемы, которые согласно решениям участников интеграции, надо достигать и решать. Не всегда, однако, дискуссии на тему принципов функционирования и (целевой) формы ЕС (*finalite politique*), проводились рационально уложенным способом с точки зрения конкретной, принятой всеми цели. Спор о концепциях функционирования и форме ЕС иллюстрируют сложную и нестабильную структуру интересов, предпочтений и предубеждений субъектов европейской интеграции и возможности эффективной её реализации [12;17].

Сложность системы ЕС является результатом количества её обязательств, законодательных процессов и исполнительных процедур, роли её участников [11; 13]. Для того система Европейского Союза и Европейских Сообществ не была, и далее не лишена, проблем и внутренних споров. Процесс перманентной внутренней реформы и расширение состава членов, а также рост внешнего политического и экономического давления, привели к углублению гетерогенности европейской интеграции, а тем самым риска его внутреннего разнообразия [13;37-38]. Мимо проявленных расхождений и дисфункций, угрожающих атомизацией, естественным состоянием системы Европейского Союза есть постоянное стимулирование потребности его дальнейшего существования и развития. Для этого тоже главной чертой «движения» интеграционной системы есть постоянное возвращение равновесия для неё. Это служит условием *sine qua non* «выживания» системы и есть функциональным для достижения потребностей в целом, и по отдельности. Интеграция в той ситуации – это способность системы к изменениям (содержание себя в хорошем состоянии) перед внутренними и внешними испытаниями [14]. Это не противоречит выводу, что европейская интеграция остаётся процессом с расширенным диапазоном сложности. В результате, ход и частичные окончательные результаты этого процесса есть и не всегда будут рациональными и подчиненными «логике интеграции», а также не до конца предвиденными и контролируемыми [15; 16].

Вопрос о изменении, а тем самым и о будущем, есть и будет вопросом о движущей силе европейской интеграции. Ответ на него найдём в политических стремлениях участников европейской интеграции. Такие изменения наступили после принятия Единого европейского акта, а именно Договора о Европейском Союзе (Маастрихтский договор), полностью подтверждают перманентность внесённых изменений, и доказывают существенное изменение европейской конструкции. Эволюционные изменения совершаются, опираясь на требования сохранения продолжительности и попытку равновесия интеграционной системы, через введение многосторонних и кооперационных структур и модифицированных и адаптационных механизмов. Изменение было сконцентрировано на преобразованиях и на новом подходе к изменениям, доказательством чего стал делиберативный эксперимент в качестве Европейской Конвенции, а потом Международной Конференции *Intergovernmental Conference IGC 2003/2004*.

Европейский Союз пребывает на этапе интенсивного развития. Анализ динамики изменений, возникших в ЕС, позволяет на выделение целого ряда факторов, которые стимулируют процесс европейской интеграции. К ним относятся:

- потребность в выживании европейского проекта для реализации вневременных целей, таких как: безопасность, благосостояние, развитие цивилизации, охрана общих прав;
- поиск формулы демократии и конституции, а тем самым собственного политического статуса ЕС [16;51];
- выделение гегемонии (доминирования) одной страны над другой;
- необходимость постоянного выяснения (легитимации) мотивов своего существования, особенно с точки зрения видения европейской интеграции странами-членами ЕС и их гражданами;
- совершенствование интеграционных решений, которые возникают от организации и управления институциями и процедурами, мотивированными расширением диапазона компетенций Европейского Союза и Европейских Сообществ.

Система ЕС до этого времени способна восстанавливать равновесие, которое постоянно утрачивается. Помимо многих угроз и критических моментов, равновесие имело характер доминирующий, синергетический, развивающийся. Помимо многих экспериментальных и спорных вопросов, которые раньше не встречались в отношениях между народами и странами, интеграционной системе удавалось до того времени соединять воедино все аспекты изменений: нормы, развитие и беспрецедентную возможность адаптации к своему окружению. В результате, ЕС реагировал вовремя на проблемы, связанные с легитимизацией своей власти и не всегда эффективными механизмами изменений. Без сомнений, экзаменом для этого принципа стали результаты процесса расширения ЕС на 10 (12)

новых стран и решения Европейского Конвента, а потом конференции представителей правительств стран-членов ЕС в вопросе Договора, устанавливающего Конституцию для Европы.

Беря во внимание много факторов динамики европейской интеграции надо принять попытку определения прогноза развития ЕС в будущем. Дискуссия о будущем европейской интеграции и системы ЕС опирается на двух временных горизонтах. Первый (так называемой после Ниццы) был чётко определён в процессе работ Европейского Конвента и совещаний Международной Конференции 2003/2004. Второй определится в перспективе ближайших 10-20 лет [17].

В связи с будущим развитием ЕС можно выделить несколько основных аналитических подходов. Первый закладывает ослабление ЕС относительно стран-членов. Это означает доминирование международного метода и понижение компетенций институций ЕС, которые являются следствием «переломного момента», возникшего от слишком далеко идущего укрепления наднационального элемента. Символом такого подхода был бы отход от реализации метода J. Monnet, который вёл к существенному изменению аксиологии европейской интеграции, которая могла привести к реконструкции, декомпозиции и даже распаду системы ЕС. Второй аналитический подход направлен на сохранение status quo и продолжение эволюционного расширения достижений интеграции того времени, опираясь на многонациональности и межправительственности. Третий подход опирается на предубеждении, что страны-члены ЕС, как и сам Европейский Союз и Европейские Сообщества, решатся на выполнение интеграционного «скачка» конституционного характера, который в практике может взять форму федерации национальных государств [18; 24], которая опирается на идеологии межправительственного федерализма. Тем самым, по 50-ти годах европейской интеграции появился шанс на синтезе двух методов: эволюционной J. Monnet и метода, который опирался бы на «основное политическое решение» [19; 13], с участием катализатора для вписывания в систему ЕС конвенционального делиберативизма [20], и механизма «торгов» («bargaining») интересов стран-членов ЕС.

Описанные выше позиции ведут к выделению следующих сценариев. Первый из них, называется негативным «сценарием торможения» и опирается на принципе, что процесс передачи странами-членами ЕС компетенций принятия решения для институций ЕС достигнет определённого пункта, будет притормаживаться, после чего наступит или может наступить (не должна) его стагнация. В такой ситуации компетенции интегрированного аппарата власти далее расширить будет невозможно. Один с вариантов этого сценария закладывал бы удержание кризисного status quo относительно предубеждения, что вместо того, чтобы просить большего, вовлекая Союз на

неприятности в том процессе, ЕС должен укреплять свои достижения [21;477]. Второй, еще более скептический вариант закладывает, что неэффективные технократические структуры, брак соответственной социализации предметов, как и влияние извне, могут не только придержать (содержать в летаргическом состоянии), но также повернуть процесс европейской интеграции [22; 293]. Европейский Союз может стать бессильной региональной «ООН», подавленной процессом диверсификации и атомизации. Он сам может довести до внутреннего раскола, который возникает с санкций механизмов одновременной интеграции и дезинтеграции, которые заложены в европейских договорах. Роль «зажигания» в той области может принять использование формулы укрепленного сотрудничества (гл. 43 Договора о ЕС), возможной реализоваться во всяких правовых пространствах (опорах) ЕС. В том смысле сценарий «единого Союза, представляющего собой систему многих меньших союзов» может оказаться неминуемым [23;293]. Но нельзя выключить, что группы отдельных стран решатся на создание «тематических кругов» («кругов интересов»), которые реализовали бы определённые задания интеграции. Такими кругами могут быть, например, Союз Внутренней Безопасности, Социальный Союз, Экологический Союз или Союз Оборона. Кульминацией этого процесса было бы явление отхода стран-членов ЕС за сферу функционирования Сообщества и Союза [14;28].

Сценарий торможения ведёт также к декомпозиции, которая возникает от увеличивающихся разногласий интересов между странами-членами ЕС и давления новых решений, которые возникают с процесса глобализации (либерализм глобальный versus союзный протекционизм). Согласно такому сценарию ЕС угрожала бы перегрузка институций и ответная реакция стран-членов ЕС в качестве децентрализации и денационализации. Не без значения здесь будет проблема делегитимизации наднациональной интеграционной власти. В таком сценарии событий опрос общественного мнения будет показывать, каким сложным, непонятным, непродуктивным и недемократичным есть Союз (или много союзов), будет утрачиваться поддержка граждан. В результате, можно будет дойти к самороспуску [24;11].

Второй сценарий называется «императивным» и закладывает необходимость постепенной концентрации интеграционной власти, которая возникает с пассивности высшей власти стран-членов ЕС и большей эффективности принимаемых решений интегрированного сообщества. Здесь закладывается дальнейшее и параллельное развитие модели европейской интеграции, которая опирается на межправительственном уровне и методе сплоченности при дальнейшем отсутствии чётких целей европейской интеграции (finalite politique). В сценарии этом различается вариант, который называется смешанным и выступает в

двух видах. Первоначальный смешанный вариант состоял в том, что на одновременном распределении новых полномочий Сообщества и Европейского Союза (в рамках прежних договоров), подчинённых, как наднациональному, так и межправительственному режиму. Вторичный смешанный вариант направлялся к сменному и конъюнктурному процессу, который опирается на договорном перенесении компетенции со сфер (политик и форм сотрудничества), приписанных международному методу, в сферу наднациональных действий или наоборот – с поля сообществ на международное [25;6].

Третий сценарий называется «развивающимся», который опирается на таких принципах, как:

- прозрачность (транспарентность) системы институций и системы принятия решений;
- акцептация ЕС её гражданами;
- большая персонализация интеграционных действий;
- укрепления демократической легитимации (между прочим, говорится о связи с развитием институций с процессом дальнейшего «расширения» ЕС);
- поиск компромиссов и общих преференций.

Объединяющим элементом начинаний субъектов европейской интеграции в реализации этого сценария есть их предубеждение о необходимости действий в сфере политического союза. Предполагается, что продолжая процесс корректировки и реформ в системе, ЕС должна иметь в дальнейшем характер многосторонний (многоуровневый), соединяя в себе не только наднациональные и международные элементы, но и национальные. Включение национальных парламентов понимается как частичная национализация европейской интеграции. Это всё должно иметь синергетический характер, а не атомизирующий, и опираться на взаимодействия в методах, правилах, механизмах и институциях. В результате, организации и органы ЕС должны стать более эффективными. Этот сценарий, как упоминалось выше, не исключает ограниченной денационализации политик, ставшей более внутренней, вне укрепления национальных парламентов в попытках реформирования структуральной политики и Общей политики сельского хозяйства. Не переносит центр интеграционной власти на «дуэт» Европейский Совет и Европейский Парламент за счёт «триады», в состав которой входили Европейский Парламент, Комиссия и система правосудия ЕС.

Существенного значения в сценарии развития наберет также интеграция, которая называется неформальной и имеет тесную связь с технологическим развитием, концентрацией интересов и влияния [26], коммуникацией, социальными изменениями, которые появляются в сфере интеракции внутри системы без участия формальных политических решений [27;8-12].

Гарантией реализации вышеуказанных принципов должна стать конституализация европейской интеграции в качестве унифицированного конституционного договора. Договор, который соединяет

политическую систему, опирается на принципах федерализма между правительствами. Согласно этому сценарию, необходимыми будут обдуманные и перспективные реформы существующих законодательных структур и структур политических, потому что развитие процессов европейской интеграции надломило нормативную ценность национальных конституций, не заступая национальной легитимизации европейской конституционной системой, которая была принята как сбор организационных принципов европейской интеграции [28; 67]. Реализация этого сценария увеличила шанс на то, чтобы Союз не утратил способности формирования своего внутреннего окружения и способности влияния на её международное окружение.

Без сомнений, решение проблем ЕС не заключается в штучном придумывании европейского *demos* и копировании структуры страны на уровне сообщества [28;79]. Этот сценарий не является моделью создания европейского супергосударства. Стоит отбросить и альтернативу: национальное государство или федерация (Соединенные Штаты Европы). Подход о развитии опирается на формировании Союза, который сохраняет достижения европейского национального государства, но в другом формате – вне его национальных границ [29;62].

Европейская Конвенция, IGC 2003/2004 и принятый ими Договор о принятии Конституции для Европы, подтверждает попытку реализации именно этого сценария. Сбор принятых в нём изменений, можно сравнить с домом, который разбирается, реконструируя его теми материалами, что с него остались, используя новые техники и элементы. Такой подход показывает, что настоящее состояние договора о конституции не исполняет всех принципов сценария развития, а есть попыткой соединения интеграционной доктрины Монета, и с конституционным мышлением Спинелли.

Пока что ЕС после расширения должен пройти самый тяжелый в его истории процесс возвращения равновесия. Расстройства в системе связаны с увеличением количества стран-членов ЕС, тяжёлой экономической ситуацией, кризисом бюджета, сложной международной ситуацией (отношения со США, Россией и Китаем), со временем стабилизируется. Хотя это и привело к поражению на первом этапе международной конференции в 2003 году и фиаско в дискуссии о долговременных финансовых рамках на период 2007-2013. Поэтому возврат к равновесию будет тяжелым и займёт больше времени. Окончательным результатом должно быть новое качество европейской интеграции. Качество важно для реализации внутреннего развития (экономическая и общественная стабильность) и возможности территориальной экспансии ЕС согласно концепции Аттали, согласно которой будущий Союз будет насчитывать более 40 членов в 2020 году [30;6].

Учитывая вышесказанное, можно подчеркнуть, что Сообщества, а потом и ЕС, всегда находили силы, чтобы превозмочь кризис и поднять новые

дебаты о своей форме. Остаётся надеяться, что силы европейского прагматизма и компромисса, не будут исчерпаны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Zięba R., Instytucjonalizacja bezpieczeństwa europejskiego. Koncepcje - struktury - funkcjonowanie, Warszawa 2001.
2. Etymologicznie peoples to «ludzie tworzący (jakąś) wspólnotę». Najlepszym odpowiednikiem peoples w języku polskim byłoby słowo «ludy». «należy zwrócić uwagę na fakt, że w tekście traktatu nie znalazło się pojęcie nation, którego znaczenie podkreśla wspólne pochodzenie, przodków, historię, tradycję, kulturę».
3. Preambuła Traktatu o Unii Europejskiej. Tekst dostępny na stronie internetowej: www.ukie.gov.pl.
4. Jesień L., Kierunki rozwoju Unii Europejskiej. Czy Polska ma stanowisko?, Ośrodek Myśli Politycznej, Warszawa 2002. Tekst dostępny na stronie internetowej: www.futurum.gov.pl.
5. Hübner D., Unia Europejska - otwarta na obywatela, otwarta na świat. Non-paper w sprawie przyszłości Unii Europejskiej z 21 marca 2002 r., przygotowany na posiedzenie plenarne Konwentu Europejskiego. Tekst dostępny na stronie internetowej: www.futurum.gov.pl.
6. Janning J., Europa. Przyszłość Unii, „Deutschland” 2001, nr 6.
7. Sałajczyk S.P., Zmierz Lewiatana? Spór o pozycję państwa we współczesnych stosunkach międzynarodowych, (w:) E. Haliżak, I. Popiuk-Rysińska (red.), Państwo we współczesnych stosunkach międzynarodowych, Warszawa 1995.
8. Pechstein M., Osobowość prawna dla Unii Europejskiej?, „Przegląd Prawa Europejskiego” 1997, nr 1 (2).
9. Pietraś Z.J., Unia Europejska jako system transnarodowy, (w:) J. Fiszler, C. Mojsiewicz (red.), Suwerenność i państwa narodowe w integrującej się Europie - przeżytek czy przyszłość, Poznań - Warszawa 1995.
10. System Wspólnot i Unii Europejskiej stracił charakter państwocentryczny przekształcając się w system multicytryczny (policytryczny), w którym państwa współpracują i rywalizują z podmiotami o charakterze transnarodowym.
11. Maurer A., Parlamenti narodowe po Amsterdamie: adaptacja, dostosowanie skali oraz sukcesywna europeizacja, (w:) J. Barcz, S. Pużyna (red.), Rola parlamentów narodowych w perspektywie poszerzania Unii Europejskiej oraz Konferencji Międzyrządowej 2004, Warszawa 2002.
12. B.W. Mach, Historyczne nadzieje i przyziemne problemy: dylematy, (w:) M. Cichocki (red.), Polacy wobec integracji Polski z Unią Europejską, Warszawa 1998, s. 17.
13. Mik C., Wzmocniona współpraca w świetle nicejskiej reformy Unii Europejskiej. Polski punkt widzenia, (w:) J. Barcz, R. Kuźniar, H. Machińska, M. Popowski (red.), Traktat z Nicei. Wnioski dla Polski, Warszawa 2001.
14. Na wyzwania te składają się w pierwszym rzędzie te potrzeby i interesy podmiotów systemu, których realizacja okazałaby się dysfunkcyjna wobec systemu jako całości.
15. Mach B.W., Historyczne nadzieje i przyziemne problemy: dylematy (w:) M. Cichocki (red.), Polacy wobec integracji Polski z Unią Europejską, Warszawa 1998.
16. Nevoła G., Nie ma demokracji bez unifikacji. Analiza procesu integracji europejskiej i rzeczywistości politycznej, (w:) A. Mania, B. Płonka (red.), Do jakiej Unii zmierzamy. Polityka i gospodarka Unii Europejskiej, Kraków 2001.
17. Więcej w: P. Buras, M.A. Cichocki, O. Osica, J. Reiter, Polska a Unia polityczna, „Unia-Polska”, nr 5 (57), 19 marca 2001 r.
18. Graś A., Reforma instytucjonalna Unii Europejskiej w kontekście jej rozszerzania (ze szczególnym uwzględnieniem Komisji), (w:) C. Mik (red.), Polska a Unia Europejska w przededniu Maastricht II, Toruń 1996.
19. Bartoszewski W., Przyszły kształt Unii Europejskiej. Polski punkt widzenia, (w:) J. Barcz, K. Żukowska (red.), Przyszłość Unii Europejskiej. Polski punkt widzenia, Warszawa 2001.
20. Deliberatywizm konsensualny.
21. Kupchan C.A., Odnawianie Zachodu, (w:) D.B. Bobrow, E. Haliżak, R. Zięba (red.), Bezpieczeństwo narodowe i międzynarodowe u schyłku XX wieku, Warszawa 1997.
22. Karolewski I.P., Teorie integracji a Niemcy, (w:) E. Stadtmüller (red.), Jaka Europa? What kind of Europe?, Materiały z konferencji naukowej, Wrocław 6-8 V 1998, Wrocław 1998.
23. Pietraś Z.J., „Realistyczny” scenariusz dla Europy, konspekt ekspertyzy dla Ministerstwa Spraw Zagranicznych zaprezentowanej przez autora w Warszawie 7 grudnia 2000 r.
24. Wywiad z J.L. Bourlanges - francuskim deputowanym do Parlamentu Europejskiego, Lepiej odrzucić, Polsce też się opłaci, „Gazeta Wyborcza”, 21 kwietnia 2001.
25. W literaturze przedmiotu połączenie międzyrządowości z uwspólnotwieniem określane jest jako „hybrydyczne”, np. J. Barcz, Tzw. traktat konstytucyjny - punkt wyjścia do dyskusji. Ekspertyza przygotowana w związku z posiedzeniem Stałego Zespołu Ekspertów, Warszawa 3 lipca 2002.
26. Chodzi tu o transnarodowe grupy wpływu (interesu).
27. Wallace W., The Dynamics of European Integration, London 1990.
28. Areilza J.M.de, Reforma instytucjonalna Unii Europejskiej, (w:) E. Popławska (red.), Konstytucja dla rozszerzającej się Europy, Warszawa 2000.
29. Habermas J., Obywatelstwo a tożsamość narodowa. Rozważania nad przyszłością Europy, Warszawa 1993.
30. Zalewska-Urbańczyk A., Pluralistyczna Europa 2020 według Jacquesa Attali, Biuletyn Analiz UKIE nr 1, listopad 1999. J. Attali widzi wśród przyszłych członków UE Szwajcarię, kraje byłej Jugosławii: Chorwację, Bośnię, Serbię, Czarnogórę, kraje bałkańskie: Albanię i Macedonię, a ponadto Mołdawię, Ukrainę, Białoruś, Armenię, Gruzję, Rosję i Turcję. Nie wykluczał też akcesji Norwegii i Islandii.

Переклад з польської – Сидун С.

*Рецензенти: Багмет М. О. – д.і.н., професор;
Сорока С. В. – к.політ.н.*